

Тимур Бочаров

Светлана Стивенсон. Жизнь по понятиям: уличные группировки в России. М.: Страна ОЗ, 2017. 304 с. ISBN 978-5-906139-12-2.

Роберт Гараев. Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х. М.: Individuum, 2020. 624 с. ISBN 978-5-6044959-5-7.

Тимур Бочаров, Институт проблем правоприменения, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: ЕУСПб, Гагаринская ул., 6/1, лит. А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. tbocharov@eu.spb.ru.

Трудно назвать простым совпадением то, что сразу две заметные книги, посвященные казанским уличным группировкам, вышли в свет с небольшим интервалом. Казалось бы, для такого роста исследовательского интереса к этой теме не было особых предпосылок. Принято считать, что описываемое явление осталось в прошлом и территориальные преступные группы («казанский феномен») постепенно исчезают из публичной жизни города. По крайней мере, такое впечатление может сложиться, если судить по официальной риторике местных властей и правоохранителей, а также по отсутствию интереса масс-медиа к данной проблеме. Отчасти это действительно так. В поздние 1980-е и на протяжении всех 1990-х кровопролитные «войны за асфальт» занимали центральное место в повестке СМИ. Соотношение сил между группировками серьезно влияло на жизнь не только самих членов группировок и их близких, но и простых горожан. В этом смысле – да, сегодняшняя ситуация с присущим ей гораздо более низким уровнем насилия сильно контрастирует с той, которую мы помним в предыдущие периоды.

Тем не менее, как показывают книги Светланы Стивенсон и Роберта Гараева, социальный порядок, основанный на коллективной жизни в группировке («улице» на жаргоне) и производных от этого моделях поведения («пацанских понятиях»), оказался устойчивым. Он показал удивительную способность адаптироваться к меняющейся реальности. Поэтому повседневная жизнь молодежи школьного и студенческого возраста Казани (да и всего региона) до сих пор во многом определяется позицией внутри этого социального порядка. Обе книги помогают лучше понять, за счет чего достигается такая адаптивность и какие причины продолжают подталкивать подростков к вступлению в ту или иную группировку.

Книга «Жизнь по понятиям» написана профессиональным социологом Стивенсон, преподавательницей и исследовательницей в Лондонском университете Метрополитен в Великобритании. Первое издание этой работы опубликовано по-английски в престижном издательстве Корнеллского университета (США). Русскоязычная версия представляет собой авторизованный перевод (выполнен Юлией Казанцевой). В основу исследования легли интервью с молодыми членами казанских группировок, собранные в 2005 (в основном) и 2010 (небольшая часть) годах. Кроме того, материал дополняют экспертные интервью с сотрудниками силовых ведомств и результаты фокус-группы с московскими подростками из дворовых компаний.

Книга разбита на девять глав. В первой главе дается краткий исторический обзор казанских группировок в советский период, начиная с 70-х годов прошлого века и заканчивая перестройкой. Здесь рассматриваются также и зародившиеся на излете советского времени группировки из других регионов (в частности, «любера»), подмечаются их сходство с казанским случаем. На этом моменте стоит остановиться особо. Сразу во введении и далее в книге Стивенсон дает понять, что многие черты «казанского феномена» характерны не только для Казани (и вообще Татарстана), а потому выводы исследователя могут быть экстраполированы и на другие уличные группировки страны (с. 18). В этом тезисе кроется, пожалуй, наиболее уязвимое место исследования, поскольку эмпирических данных для таких параллелей не всегда достаточно. В основном это вторичные источники других авторов, но даже они убеждают скорее в наличии важных различий, а не сходств.

Далее, во второй главе, описывается резкий рост насилия и уличных войн между группировками с переходом к капитализму в 1990-е годы. Логическим продолжением этого описания является третья глава, где подробно анализируются распространенные в этот период способы заработка группировок, основанные на предоставлении протекции («крыши») и давлении на частный бизнес. Здесь же показано, как усиление государства привело к тому, что правоохранительные органы заменяют собой группировки на рынке силовых услуг в 2000-е годы. В целом изложенное в этих двух главах следует концепции «силового предпринимательства», предложенной Вадимом Волковым (2002) для описания роли организованных преступных групп в экономической жизни страны в 1990-е годы.

В четвертой главе детально описана структура группировок: она выстроена иерархически по когортам («возрастам»), начиная от подростков-школьников и заканчивая взрослыми мужчинами. Кроме того, подробно рассматривается феномен лидерства, ритуалы и наказания, которые сплачивают членов группировки. Эта часть во многом опирается на классическую социологическую традицию – в частности на Макса Вебера и позднего Эмиля Дюркгейма.

Одна из наиболее ценных и оригинальных находок исследования содержится в пятой главе. Здесь Стивенсон подмечает и описывает с опорой на биографии своих респондентов одну из главных особенностей казанских группировок, которая отличает их от гангстерских сообществ в других странах. В отличие от последних, в Казани членство в группировке не означает исключительно криминальную сферу занятости и разрыв других социальных связей. Многие из «пацанов» вполне успешно могут совмещать участие в жизни «улицы» с учебой в университете, профессией юриста, врача, инженера, IT-специалиста, музыканта и т. д.

Шестая глава посвящена взаимоотношениям группировок с правоохранительными органами. Эти отношения выстраиваются не только антагонистически, но и на основе прагматического сотрудничества. В седьмой главе речь идет о правилах поведения («понятиях»), принятых в среде участников группировок. Здесь Стивенсон выделяет два подхода: традиционный, когда социолог формулирует правила гангстерского сообщества с позиции внешнего наблюдателя (ср.: Anderson 1999), и этнометодологический, когда исследователь старается показать

индексикальность правил, то есть их зависимость от контекста (ср.: Wieder [1974] 2015). Сама Стивенсон считает более подходящим для своего исследования второй подход, но в дальнейшем изложении следует скорее первому. Так, на основании интервью она формулирует некие базовые «принципы» поведения, которые по сути являются теми же правилами, но более высокого порядка: пацан должен подчеркивать принадлежность к элите, контролировать речь и тело, быть верным своей группировке и т. д. Затем эти общие принципы уже конкретизируются через более детальный набор правил (с. 193–198). Однако контекстуальность и гибкость правил может быть продемонстрирована только при разборе конкретных ситуаций, чаще всего – по результатам наблюдения. Всего этого, к сожалению, недостает в этой главе.

Восьмая глава рассказывает о применении насилия членами группировок как в отношении себе подобных, так и людей за рамками этой среды. Ключевой момент, который отмечает Стивенсон, опять же подчеркивая отличия от западной гангстерской культуры, состоит в предпочтении вербальных способов запугать и подавить оппонента чисто физическому насилию. Наконец, девятая глава предлагает параллели между «пацанским» образом жизни и паттернами поведения в российской культуре в целом и на высших уровнях власти в частности. Эта глава кажется наименее убедительной во всей книге. Многие аналогии подкрепляются лишь анекдотичными примерами и отдельными цитатами, поэтому выглядят подчас натянутыми.

Если говорить о манере изложения Стивенсон, то она достаточно традиционна для социологической литературы. Текст написан академическим стилем и сопровождается обширным ссылочным аппаратом. В книге активно используются теоретические концепты, хотя некоторые из них смотрятся несколько экзотично (например, «ризوما» Жюль Делеза и Феликса Гваттари). Анализ подкрепляется фрагментами интервью. Однако язык в этих фрагментах часто очень далек от того, как в действительности общаются «пацаны», о чем могу судить по своему опыту взросления в Казани. Здесь либо результат редактуры, либо издержки перевода цитат с русского на английский и обратно, либо корректировка своего языка самими информантами в ситуации интервью с представителем «внешнего мира». Как бы то ни было, это досадное упущение, поскольку сама автор абсолютно верно подчеркивает в разных местах книги важность разговорных практик для идентичности «пацана». Однако нейтральный и выхолощенный язык в интервью не позволяет сформировать у читателя представление об этих практиках.

В принципиально иной манере написана книга «Слово пацана». Следует сразу отметить, что автор книги не является социальным исследователем. Гараев в подростковом возрасте около двух лет был членом одной из группировок в Казани, после чего порвал с прошлым и долгое время успешно работал в клубной индустрии в Москве. Однако спустя почти тридцать лет решил обобщить как свой опыт, так и опыт других участников казанских группировок (у них он брал интервью). Во многом его исследование являлось интерактивным и коллективным проектом. Автор создал в социальной сети группу «Казанский феномен», где обсуждал с участниками группы многие из тем, которые впоследствии попали в книгу.

Такую степень вовлечения участников редко встретишь даже в исследованиях профессиональных социологов и антропологов. Максима «дать слово информанту» дежурно постулируется, но на практике дело обычно ограничивается фрагментами интервью, которые лишь иллюстрируют анализ. Книга «Слово пацана» почти полностью состоит из живых свидетельств «группировщиков». Во вступительных разделах к главам автор лишь описывает контекст и предлагает краткое обобщение, после чего уступает место рассказам своих респондентов. В том чтобы занять столь скромную позицию, похоже, и состоял авторский замысел (на таком приеме, например, строится проза Светланы Алексиевич или Алеся Адамовича). Важно, что свои собственные воспоминания Гараев помещает среди этих свидетельств не как автор и внешний наблюдатель, а как один из информантов. Этот метод в книге успешно работает, создавая иммерсивный эффект. В результате читатель получает уникальную возможность взглянуть на происходящее из внутренней перспективы участников событий, что было бы вряд ли возможно, выбери автор другую манеру изложения материала.

В интервью рассказчики чаще всего используют именно тот живой язык, на котором говорят в повседневности. Это помогает вовлечь читателя в происходящее и приближает к описываемой реальности. Порой при чтении поражает, насколько сильно эти речевые обороты срослись с идентичностью информантов (хабитусом, если пользоваться словарем Пьера Бурдьё), когда даже отошедшие от дел мужчины старше 40 лет, а порой и пенсионного возраста, легко переключаются на язык казанских улиц. Вероятнее всего, наличие общего опыта у интервьюера и его респондентов сильно способствовало такой открытости в разговорах. Название книги как нельзя лучше отражает важность этих речевых практик и их перформативный эффект (в частности, расхожая фраза «пацан сказал – пацан сделал» емко передает основной посыл лингвистической философии Джона Остина).

Книга имеет очень дробную структуру – она поделена на десять частей, которые в свою очередь делятся на главы (всего 39 глав). Такая организация текста позволила охватить практически все стороны жизни уличных группировок. Часть затрагиваемых тем пересекается с теми, что рассматриваются в книге Стивенсон: например, структура и ритуалы группировок, «пацанские» понятия, отношения с правоохранительными органами. Однако если в «Жизни по понятиям» автор склонна, описывая эти явления, выводить их за рамки казанского случая и выделять сходства с другими регионами, то Гараев и герои его книги скорее делают акцент на специфике «казанского феномена». В целом в «Слове пацана» гораздо больше деталей и привязки к местности: наименования группировок (в приложении приводится длинный список из почти 150 «улиц»), картография территории, легенды и байки из их истории, – неслучайно Вадим Волков в своем кратком отзыве на обложке определяет ее жанр как «городская этнография».

Имеет смысл остановиться и на других отличительных особенностях. Отдельного внимания заслуживает та часть книги, где затрагиваются гендерные отношения и роль женщин в жизни улицы, в частности, глава 19 «Правила секса» и глава 20 «Бабские конторы». Нельзя сказать, что Стивенсон совершенно игнорирует эту тему в своей книге, но ее обсуждению посвящена буквально пара страниц (с. 122–

124). Между тем в работе Гараева эти темы анализируются куда более детально, причем на основе собственных эмпирических данных – интервью с женами и девушками членов группировок, а также участницами немногочисленных женских группировок.

Наконец, центральную роль в книге играет огромная девятая часть, своеобразное кейс-стади, целиком посвященное одной отдельно взятой казанской группировке «Тяп-Ляп», активность которой, собственно, и послужила толчком для дискуссии о «казанском феномене» в позднее советское время. Эта часть книги основана на уникальном материале – продолжительных интервью с пожилыми участниками группировки, стоявшими у истоков ее основания в 1970-е годы. Глубокое погружение в историю позволило воссоздать генеалогию группировок и показать их эволюцию от протосостояния, когда они пребывали в виде обычных дворовых и хулиганских компаний (подобных любым другим на территории страны), до специфической формы – казанских группировок в конце 1980-х и 1990-х. Если в других уголках страны дворовые компании так и остались на этой первой «стадии», став источником рекрутинга уже для «взрослых» ОПГ (наряду со многими другими – ветеранами-афганцами, бывшими заключенными, спортивными коллективами), то в Казани и близлежащих городах такого зазора не было. Здесь «улица» и ОПГ стали идентичными явлениями. Это объясняет, в частности, причины, по которым перебравшиеся в Москву или Санкт-Петербург члены казанских группировок никогда не объединялись в одну группу в новом городе и сохранили лояльность к своей «улице» на малой родине, а также причины того, что «воровские» понятия и порядки, в отличие, скажем, от Дальнего Востока, так до конца и не прижились в регионе.

В заключение хотелось бы рекомендовать обе книги к прочтению не только криминологам, социологам права или исследователям молодежных субкультур (хотя им – в первую очередь), но и более широкой аудитории. Броские названия книг не должны смущать академически настроенного читателя. Эти две работы являются исследовательскими по своему характеру и основаны на богатом эмпирическом материале. Тем не менее, сами данные, подход к их сбору и анализу, стиль изложения, затронутые темы и ряд выводов в книгах сильно различаются. В итоге один и тот же феномен рассматривается через разные оптики, поэтому две книги прекрасно дополняют друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков, Вадим. 2002. *Силовое предпринимательство*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Anderson, Elijah. 1999. *Code of the Street: Decency, Violence, and the Moral Life of the Inner City*. New York: W. W. Norton.
- Wieder, D. Lawrence. [1974] 2015. *Language and Social Reality: The Case of Telling the Convict Code*. Boston: De Gruyter Mouton.